

«ТРАУРНАЯ ПЕСНЬ НА ГИБЕЛЬ ВИЛЬГЕЛЬМА ДЛИННЫЙ МЕЧ»: К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗА НОРМАННА В X в.

Рассматривается проблема изменения восприятия скандинавов в позднекаролингском обществе X в. в условиях появления первого устойчивого политического образования норманнов на территории Западно-Франкского королевства. В качестве основы используется текст траурной песни, которую можно считать первым «нормандским» авторским сочинением.

Ключевые слова: Скандинавия, норманн, Западно-Франкское королевство.

Средние века по-прежнему остаются той эпохой в истории человечества, которая связана с современностью множеством нитей, создающих живую ткань огромного полотна человеческой цивилизации. Эта ткань действительно живая, ибо многие проблемы и сюжеты человеческой истории, казалось бы, давным-давно исчезнувшие совсем или отодвинутые иными проблемами на второй или даже третий план, вдруг вновь приобретают актуальность, заставляя исследователей искать объяснение подобному феномену. Рассуждения на эту тему можно найти в трудах выдающегося отечественного медиевиста Д.М. Петрушевского [1. С. 31–33]. В нынешнюю эпоху эта тема вновь обрела актуальность [2–6]. Одной из таких проблем в современном глобализирующемся мире вновь становится проблема массовых миграций населения, влекущая за собой необходимость взаимного приспособления разных этнических групп, волею объективных и субъективных причин сталкивающихся в пределах одного, достаточно давно освоенного геополитического пространства. Человеческая цивилизация повторяет уже неоднократно пройденное, вновь вспоминая уроки прошлого, зачастую отстоящего от современности на тысячелетия, уроки, в новых условиях ставящие проблемы поиска комплиментарности и толерантности в отношениях между этносами, проблемы этнической ассимиляции, амальгамизации или сохранения собственной идентичности.

Очень часто эти «старые новые проблемы» оказываются связанными с той исторической памятью, которую несут в себе эти этносы и которая является своеобразным маркером их самобытности. Прошлое и настоящее сливаются воедино, прошлое предстает в виде традиции, сконструированной на протяжении многих столетий, а настоящее, отталкиваясь от этого конструкта, стремится доказать его истинность, отыскивая всевозможные аргументы в ее пользу при помощи все более и более совершенных методов и методик работы с исходным историческим материалом.

В этом плане эпоха раннего Средневековья создает весьма благодатную почву для подобного рода препарирования исторического материала. На ценность опыта, накопленного европейским обществом в раннесредневековую эпоху, и его переосмысление в эпоху настоящую указывал Ю.Л. Бессмертный [7, 8]. Она позволяет, с одной стороны, выступать в качестве некоей воображаемой временной величины, сконструированной современной мыслью, при помощи которой, исходя из перспективы современности, этот период человеческой истории и может быть оценен. С другой стороны, сконструированный, воображаемый образ раннесредневековой эпохи монополизирует современность, которая падает перед ним ниц, не отдавая или не желая отдавать себе отчет в его истинности.

Одним из таких образов, уже не одно столетие будоражащих мысли и чувства европейцев как на Западе, так и на Востоке, был образ раннесредневекового скандинава – норманна и викинга, разбойника и воина, грабителя и торговца, разрушителя и созидателя королевств и княжеств. Наиболее аккумулированную характеристику норманну-викингу дал А.Я. Гуревич [9]. Более того, этот образ стал не только частью исторической памяти разных европейских этносов, но и обрел характер неотъемлемого компонента их политической культуры, практически сразу же превратившись в проблему одновременно интеллектуальную и политическую. В интеллектуальную потому, что вынужденные партнеры скандинавов должны были сформировать свои собственные представления о неизведанном для них мире и его представителях и оформить эти представления в виде ценностно-ориентированного образа, зафиксировав его как в устной традиции, так и в письменном виде. В политическую потому, что скандинавы очень быстро оказались интегрированными в международно-политические реалии раннесредневековой Европы, смешав воедино и без того зыбкую грань между внутренней и внешней политикой тогдашних государственных образований [10].

В период VIII–IX вв. имел место процесс постепенного складывания некоего обобщенного образа «норманна», который прошел три основных этапа: от этапа «данов» и сдержанного, государственного подхода к «норманнской проблеме», через этап смешанного использования обоих понятий («даны» и «норманны»), что в реальной действительности было связано с изменением характера самих норманнских вторжений в пределы каролингских земель и сменой лидеров этих вторжений, до этапа монополии понятия «норманны», когда можно констатировать сложение основных характерных черт образа «норманна», который приобрел некую особость, уникальность, специфичность, в совокупности составивших то явление, которое современные историки определяют понятием *normannitas*.

Однако эта *normannitas* имела две стороны. С одной стороны, этот образ был проекцией видения «норманнской проблемы» со стороны представителей каролингской историографии, прежде всего церковной, и это видение было заряжено исключительно отрицательным содержанием. С другой стороны, появление в начале X в. в низовьях Сены первого стабильного норманнского княжества, более известного в истории как герцогство Нормандия, заставило его первых князей попытаться создать свой собственный образ «норманна», обладающего совершенно иной *normannitas*. Эту задачу могли решить историки абсолютного нового поколения, поколения, мало или практически не связанного с

предшествующей традицией. Большая роль в этом принадлежала одному из крупнейших историков первой половины X в. Флодоарду Реймскому, который первым среди западно-франкских историков попытался более объективно подойти к изложению истории первых нормандских князей. В отечественной историографии творчество Флодоарда специально не исследовалось, хотя в источниковедческих работах он присутствует с завидным постоянством [1. С. 135–136; 11; 12; 13. С. 215]. Существует единственный неполный перевод на русский язык «Анналов» Флодоарда, выполненный А.В. Тарасовой [13. С. 187–208]. Среди зарубежных изданий сочинений Флодоарда основным по-прежнему остается издание, подготовленное под редакцией Ф. Луера еще в начале XX в. [14]. Среди исследовательских работ можно назвать труд М. Сот [15].

Однако не только этот реймский историк внес свою лепту в начало формирования пронорманнской историографической версии. В середине X в. неизвестный автор создает первое на западно-франкской почве сочинение о норманнах, написанное исключительно с норманнских позиций. Речь идет о *Planctus* (жанр траурной поэмы) на смерть второго в династии Роллонов нормандского «князя» Вильгельма Длинный Меч [16–19]. Это литературное произведение было создано вскоре после 942 г., когда Вильгельм был убит, но до 863 г., поскольку упоминаемый в поэме герцог Гильом III Аквитанский фигурирует в тексте как живой участник событий. Подавляющее большинство исследователей склонны считать, что поэма была создана сразу, по горячим следам, после подлого убийства Вильгельма Нормандского [16–19]. Хотя оба дошедших до наших дней списка поэмы сохранились в манускриптах ненормандского происхождения.

Первый манускрипт находится в библиотеке Клермон-Феррана (MS 240, folio 45) и датируется X–XI вв. Второй, датируемый началом XI в., находится в библиотеке Медичео – Лауренциана во Флоренции. [16. С. 2–3]. Тем не менее ее содержание указывает на тесную связь автора с одним из наиболее влиятельных нормандских монастырей Жюмьежем. Доказательствами в пользу этого предположения считаются рассказ о повторном восстановлении аббатства, предпринятого по инициативе самого Вильгельма, прибытие в монастырь в качестве настоятеля аббата Мартина из Пуатье, желание Вильгельма стать монахом в Жюмьеже и, наконец, описание деталей его трагической гибели. Безусловно, Жюмьеж вполне мог претендовать на место, в котором бережно сохранялись детали жизни и смерти их покровителя, хотя некоторые исследователи не исключают возможность того, что поэма была написана в Пуатье [20].

По содержанию *Planctus* можно разбить на несколько частей. Первая связана с происхождением Вильгельма и первыми годами его правления. Автор поэмы не называет имен отца и матери Вильгельма, они остаются анонимными, но некоторые детали имеют существенный характер. Прежде всего, Вильгельм родился в браке между отцом – язычником и матерью – христианкой не в Нормандии, а за ее пределами, в некоем заморском городе [21]. Но автор не уточняет ни этническую принадлежность отца и матери, ни точное географическое место рождения второго князя Нормандии.

Однако в момент смерти своего отца Вильгельм находится в Нормандии, ибо автор поэмы прямо указывает на известный из иных источников, правда, более поздних по своему происхождению, факт языческого мятежа, последовавшего за этой смертью. Примечательно, что Вильгельм уже крещен и активно борется против этих мятежников. Именно помощь Господа помогает ему одержать верх в такой непростой ситуации. При этом автор указывает на одно свойство характера Вильгельма: он проявляет крайнюю жестокость в отношении мятежников [22]. Но не только помощь Всевышнего позволила ему победить своих врагов. Помощь ему оказали и вполне земные силы, а именно король Западно-Франкского королевства Людовик IV. Весьма примечательно, что автор поэмы называет этого короля сеньором Вильгельма [23]. В целом эта часть поэмы в большей степени может быть расценена как стремление подчеркнуть двойственную природу вассальной зависимости Вильгельма – как от сеньора небесного, так и сеньора земного. Однако сам Вильгельм предстает перед читателями как человек твердого характера, христианин, решительно сражающийся с врагами веры Христовой.

Именно с его христианской ипостасью связана вторая часть поэмы. В ней автор упоминает о прибытии ко двору Вильгельма аббата монастыря Сен-Киприан в Пуатье Мартина, под влиянием которого нормандский князь не только принял решение восстановить монастырь в честь св. Петра в Жюмьеже, но и стать в дальнейшем в нем монахом [24]. Однако этому не суждено было случиться.

Причины этого прискорбного события описаны в третьей части поэмы. В ней вводится в текст антипод Вильгельма, человека, чья душа и поступки полны обмана и предательства. Это граф Арнульф Фландрский. Главный проступок Арнульфа заключается в клятвопреступлении, ибо он нарушил клятву, данную Вильгельму на мече [25]. Автор подробнейшим образом описывает, как происходили события, результатом которых стало предательское убийство Вильгельма [26]. Следует указать на тот факт, что данное описание в деталях совпадает с описанием постыдного деяния Арнульфа Фландрского, которое приводит в своей «Истории» Рихер Реймский, что позволяет высказать предположение, что последний мог быть знаком с текстом поэмы. Хотя возможно и иное объяснение этого факта, т.к., вероятно, подлое убийство одного христианского князя по наущению другого даже в те отнюдь не рафинированные времена могло вызвать серьезный политический резонанс, зафиксированный в источниках во всех подробностях.

Наконец, заключительная часть поэмы представляет собой хвалебную песнь Вильгельму, своеобразный панегирик нормандскому князю. Именно здесь Вильгельм предстает как защитник мира, друг и утешитель бедных, защитник сирот и покровитель вдов. «Так прольем же слезы за Вильгельма, который умер невинно», – восклицает автор *Planctus* [27]. Идея невинности Вильгельма перед лицом Господа рефреном проходит через весь текст поэмы, формируя образ нормандского князя, отличающийся от того, который доводили до читателя его современники Флодоард и Рихер Рейм-

ский. Даже если списать эти дифирамбы на жанр сочинения, нельзя отрицать очевидного. В обществе второй половины X в. наблюдается постепенное осознание того, что назрела насущная необходимость не только признать изменение политического статуса нормандских князей в ситуации тогдашней *Realpolitik*, но и закрепить это изменение посредством единственно возможного для того время средства пропаганды – художественного слова. Эта миссия, по мнению автора поэмы, должна быть возложена на сына и наследника Вильгельма графа Ришара [28].

Таким образом, *Planctus* стал первой ласточкой на долгом пути формирования пронормандского историографического образа, фактически задав основные целе-

вые установки и сформулировав каноны, согласно которым нормандские князья должны были изображаться в глазах современников и потомков. И эти каноны разительным образом отличались от тех представлений о «норманнах» и *normannitas*, живших как в исторической литературе, так и в повседневном их восприятии населением Западно-Франкского королевства второй половины X в. На смену «норманну – варвару», столь красочно описанному в начале века в Вестаинских анналах, шел «норманн – христианин», чья вера в Господа и служение Его заветам меняли саму человеческую природу первых нормандских князей и придавали им силы для создания сильного и процветающего княжества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрушевский Д.М. Очерки из истории средневекового общества и государства. 4-е изд. М., 1917. С. 31–33.
2. Гутнова Е.В. Средневековье: место в европейской цивилизации // Средние века. М., 1990. Вып. 53.
3. Басовская Н.И. Рождение Средневековья // Знание – сила. 1997. № 5.
4. Галямичев А.Н. Место Средневековья во всемирно-историческом процессе // История России и мировых цивилизаций. Саратов, 1999.
5. Корнев В.В. Логика парадоксов: ценностные метаморфозы европейского Средневековья и современная Россия // Европа. Тюмень, 2001. Вып. 1.
6. Сванидзе А.А. Еще раз о Средневековье // Мир Клио: Сб. статей в честь Лорины Петровны Репиной. М., 2007. Т. 1. С. 100–117.
7. Бессмертный Ю.Л. Изучение раннего Средневековья и современность // Вопросы истории. 1967. № 12. С. 83–95.
8. Бессмертный Ю.Л. Тенденции переосмысления прошлого в современной зарубежной историографии // Вопросы истории. 2000. № 9.
9. Гуревич А.Я. Походы викингов. 2-е изд. М., 2005. С. 87–88.
10. Басовская Н.И. Воображаемая линия горизонта (грань между внешней и внутренней политикой в средневековом обществе) // Проблемы истории и историографии рабочего движения. М., 1991.
11. Люблинская А.Д. Источниковедение истории Средних веков. Л., 1955.
12. Чайковская О.Г. Писатели-монахи и писатели-рыцари (X в.) // Французский ежегодник. 1962. М., 1963.
13. Тарасова А.В. Рихер Реймский и его «Четыре книги истории» // Рихер Реймский. История. М., 1997.
14. *Les Annales de Flodoard*. Ed. Ph. Lauer. Paris, 1906.
15. Sot M. Un historien et son Eglise au X siècle: Flodoard de Reims. Paris, 1993.
16. *The Planctus for William Longsword* / Ed. by R. Helmerichs. Режим доступа: <http://www.ku.edu/carie/Planctus/Planctus>
17. Lair J. Etude sur la vie et la mort de Guillaume Longue-épée, duc de Normandie. Paris, 1893. P. 61–70.
18. Lauer Ph. La régné de Louis IV. Paris, 1900. P. 319–323.
19. Becker Ph.A. Der planctus auf den Normannenherzog Wilhelm Langschwert (942) // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. 1939. T. LXIII. S. 190–197.
20. *The Gesta Normannorum Ducum of William of Jumieges, Orderic Vitalis, and Robert of Torigni* / Ed. by E. van Houts. Oxford, 1992. Vol. I. P. XXVIII–XXIX.
21. *Planctus*, verse 2: «Hic in orbe transmarino natus patre. In errore paganorum per manente. Matre quoque consignata alma tunc sacra tuit lotus unda. Cuncti flete pro uillelmo».
22. *Planctus*, verse 3: «Mori ente infidele suo patre surrexe runt contra eum belliquosae quo confusus deo ualde sibi ipse subiit gavit dextra forte cuncti flete pro».
23. *Planctus*, verse 4: «Hic audito olim regem Hclouuicum sibi fecit seniore regnaturum ut cum eo superaret hostem suum regnaretque regnaretur».
24. *Planctus*, verses 5–6: «Idem doctus unitatem trinitas. Ad Martino unitatem trinitatis tria unum atque unum trium esse monasterium fundauit cuncti flete pro uillelmo. Quod dicatur in honorem sancti Petri post iam dicto fateamur contulisset ubi uita monachorum sub honore uideretur deservire cuncti flete pro uillelmo».
25. *Planctus*, verses 7–8: «Erat quidem diues ualde plenus fraude dicebaturque arnulfus flandonensi cui se iure iurando sociauit infelicis felix iste cuncti flete pro uillelmo».
26. *Planctus*, verses 9–14.
27. *Planctus*, verse 16: «O uillelme lator pacis et amator pauperumque consolator et defensor pupillorum uiduarum suffragator iam subiunxit dextra forte. Cuncti flete pro uillelmo innocente interfecto».
28. *Planctus*, verse 17: «Salue comes rothomensis o ricarde comitexque preces atque patris salue si concedas xpi tibi dies vite ut cum eo esse posse sine fine».

Статья представлена научной редакцией «История» 2008 г.